



БРИКС: геополитический статус в ретроспективе и прогнозных сценариях

Группировка стран БРИКС, поначалу казавшаяся многим удобной умозрительно-статистической конструкцией, довольно быстро обнаружила существенный онтологический смысл. Он не сводится только к происходящему фундаментальному сдвигу в мировой экономике в пользу развивающихся стран, авангардом которых являются БРИКС и ряд других стран (Мексика, Индонезия, Нигерия, Турция — группа МИНТ, а также некоторые другие). Роль БРИКС возрастает и в международных отношениях — как субъекта суверенной политики, альтернативной развязыванию новой мировой войны. С экономической и политической судьбой именно этой группы стран связано формирование фундаментальных свойств мировой экономики, которые стали глубинным источником ее проблем и противоречий, включая неравномерность развития и монополизированный контроль над ресурсами и рынками. Способами разрешения этих противоречий на протяжении XX в. стали две мировые «горячие» и две мировые холодные войны, а результатом — формирование мощного потенциала и инструментария силовой экономики.

**Агеев Александр
Иванович** —
генеральный директор
Института экономических
стратегий, д.э.н.,
академик РАЕН

Силовая экономика и кризисы

Силовая экономика охватывает обширное множество институтов, не исчерпывающихся военно-промышленным комплексом и сращиванием госаппарата с обеспечением интересов кор-

пораций реального и финансового секторов. Также не исчерпывает содержание силовой экономики и взаимосвязь военного обеспечения в условно мирное время важнейших факторов конкурентоспособности, включая гарантирование доступа к стратегическим ресурсам и защиту линий коммуникаций, манипулирование факторами хозяйственной конъюнктуры, финансовых рынков, ценами на энергоносители и продовольствие и т.д. (Агеев, Логинов 2014). Силовая экономика означает такую организацию экономической деятельности, которая опирается не на принцип сотрудничества и даже не на эксплуатацию факторов производства, включая труд и источники капиталобразования, но на принуждение (вплоть до применения военной силы и развязывания войны) в аспектах целей, средств, условий и результатов хозяйственной деятельности.

Самая жесткая борьба сегодня идет за власть над инструментами глобального регулирования экономической активности. Она ведется надгосударственными структурами — несколькими кланами глобального управленческого суперкласса, пусть и опирающимися на государственные институты конкретных стран. В предельной формулировке это борьба за мировое господство, за власть над умами и поведением всего человечества, его ценностями и смыслом существования. В прагматичном ключе речь идет о решении задач удержания контроля и стимулирования роста целевых зон экономической активности для концентрации стратегических товарных и финансовых ресурсов.

Причины войн не исчерпываются проблемами доступа к ресурсам, рынкам и коммуникациям. Войны — это

еще и продукт цепочки управленческих решений конфликтующих сторон. Решения, в свою очередь, принимаются теми, кто: 1) обладает правом принятия таких решений; 2) имеет свое мировоззрение и историческую память, представляет картину актуальной реальности, имеет представление о возможностях и намерениях — не только собственных, но также партнеров и противников; 3) с одной стороны, находится во взаимодействии с собственным окружением (не только ближайшим, но и основными заинтересованными группами), а с другой — испытывает внешнее влияние, которому подвержен в той или иной степени и с тем или иным знаком. Принимающие решения люди также обладают эмоциональным регистром.

Маятник соотношения сил

Повторяемость войн (сначала двух мировых, затем холодной и теперь — признаков новой холодной войны) свидетельствует о наличии некоторого устойчивого механизма, с определенной периодичностью выводящего человечество в состояние военного конфликта.

Поскольку политика действительно выражает экономические интересы, хотя и не исчерпывается ими, то именно перераспределение производственных ресурсов и возможностей потребления стоит за стратегиями поведения ряда мировых акторов.

Распад СССР в результате прекращения холодной войны дал новый импульс изъятию из страны финансовых, людских и материальных ресурсов.

По сути это была экспроприация в пользу Запада части ресурсов СССР

как плата за перспективу интеграции в евроатлантический мир. Хранение национальных валютных резервов постсоветских стран, включая Россию, в гособлигациях США также явилось одной из форм экспроприации. Вплоть до сегодняшнего дня объем российских вложений в американские гособлигации превышает 130 млрд долл. Всего, по самым осторожным оценкам, отток инвестиционных ресурсов из РФ за 1990-е и 2000-е гг. превысил 2 трлн долл. Установлению неэквивалентного обмена стран Запада с РФ способствовал и импорт оборудования, технологий, других объектов интеллектуальной собственности, способствуя модернизации экономики, но усиливая импортозависимость и привязку к зарубежным техническим решениям, зачастую устаревшим.

Освобождение от неформальных и формальных условий квазикапитуляции началось лишь с укреплением экономического положения России, восстановлением военного потенциала, накоплением обоснованного недоверия к Западу, пробуждением массового патриотического самосознания. Глобальный финансовый кризис, «Пятидневная война», яростная антироссийская информационная кампания в августе 2008 г. и в период президентских выборов 2012 г., наконец, украинский кризис катализировали обретение Россией основ своей новой геополитической субъектности.

Однако распад СССР и социалистического лагеря, повлекший за собой и разрыв традиционных связей со странами третьего мира, резкое падение объемов производства в долговременном историческом глобальном балансе сил были компенсированы в этот период стреми-

тельным и устойчивым ростом Китая, Индии и Бразилии.

Во всех случаях обнаруживается прямая связь экономического роста в США с всплесками ресурсных изъятий из России, а также с втягиванием России в военно-политические конфликты. Режим изъятий из других стран группы БРИКС имел несколько иную динамику, не столь явно увязанную с мировыми «горячими» и холодными войнами. Так, Китай практически целый век, до 1949 г., находился в оккупированном состоянии, будучи ареной хищнического дележа между всеми тогдашними империями. Эволюция Индии и Южной Африки подчинялась интересам экспансии Британской империи. Бразилия обрела формальную независимость в 1822 г., после трех веков португальского владычества, но вплоть до 1930 г. экономика базировалась на одной монокультуре — кофе.

Бенефициары и жертвы в мировой экономике

На каждом витке событий, предваряющих и составляющих мировую войну и обеспечивающих благоприятный для главного игрока исход, видны отчетливые экономические и политические результаты. Они — результат не стихийной удачи, геополитического везения, а тщательно спланированного мегамасштабного долгосрочного планирования, способности формировать проектное поведение в глобальном масштабе — как собственное, так и других игроков. Успех этой стратегии в Первой мировой стимулировал тиражирование ее стратегической матрицы в преддверии, в ходе и после Второй мировой,

в холодной войне и в наше время. Палитра ее результатов красноречива (Агеев, Логинов 2014).

Во-первых, установление выгодной США финансовой модели мировой экономики и право на односторонний отказ от нее, когда она перестает выполнять свои задачи.

Во-вторых, установление и последующее подтверждение главенствующей роли американских и переплетенных с ними британских финансовых институтов, их глобальных аналогов, нивелирование роли других финансовых центров (Цюрих, Париж, Берлин, Бейрут, Гонконг, Сингапур), сегодня — предотвращение появления новых финансовых центров.

В-третьих, поэтапное разрушение колониальных зон (сначала Германии, затем Великобритании, Франции, Португалии), либерализация мировых рынков в интересах корпораций США.

В-четвертых, перемещение в США золотых запасов и контроль привязанных к доллару валют других стран.

В-пятых, подавление экономических конкурентов (распад четырех империй после Первой мировой, зависимое развитие Германии и Японии, а после холодной войны — постсоветских и других стран).

В-шестых, контроль ведущих руководящих и экспертных позиций в международных организациях.

В-седьмых, поддержка достижения компаниями США лидерства сначала в промышленном производстве, затем в наиболее выгодных инновационных областях, финансовом секторе, «высших услугах капитализма».

В результате возможного развязывания новой холодной войны предполага-

ется достижение, по сути, тех же типовых выгод.

Главный ожидаемый приз в этой вероятной мировой войне — сохранение и упрочение нынешнего статус-кво США в мировой экономике и политике вопреки растущей экономической (и в перспективе — политической) роли развивающихся стран, авангард которых составляют страны БРИКС. Аналогичным образом был существенно подорван в войнах XX в. потенциал развития России и других стран БРИКС.

Точка перелома двухвекового тренда приходится на 2008–2014 гг., когда доли западного и развивающегося блоков в мировом ВВП сравнялись. Иными словами, в настоящее время соотношение экономических сил развитого мира и мира развивающегося вышло на состояние 1870 г., когда стали завязываться коалиции и сюжеты будущей Первой мировой. Стоит заметить, что на США тогда приходилось около 2% мирового ВВП, а на страны, ныне объединенные в ЕС, — 23%. Долговременным итогом империалистической экспансии Запада, колонизации Азии, Африки и Латинской Америки и двух взаимосвязанных «горячих» мировых войн стал сдвиг в мировой экономике к 1950 г.: примерно по 27% пришлось тогда на США и Западную Европу. Именно совокупный Запад («Север») стал нетто-бенефициаром 80-летнего отрезка мирового развития, а совокупный «Юг» — донором этого возвышения Запада. 80-летний интервал (1950–2030 гг.) в тенденции восстанавливает прежнее соотношение Севера и Юга на начало XIX в (см. п. 2.6 в настоящем докладе).

Именно мировые войны были способом установления и удержания вы-

годного Западу баланса сил в мировой экономике и политике.

В настоящее время международные отношения находятся в режиме относительной устойчивости с локальными пока турбулентностями за счет сложного сосуществования как рудиментов Вестфальского, Ялтинско-Потсдамского, Хельсинкского порядков, так и элементов монополярного и многополярного мира с наднациональными регуляторами и институтами, сложившимися в последнюю четверть века. Такая институциональная пестрота — признак бифуркационной фазы эволюции мировой системы, ее активного «рыскания» по спектру траекторий дальнейшей эволюции. Именно это определяет: 1) интенсивность поиска рядом акторов новой модели развития; 2) стремление других акторов законсервировать свои преимущества, генерируемые доминантной моделью, равно как и 3) попытки использовать для выхода из кризисного тупика ранее отработанные схемы.

Склонность к военному разрешению современного кризиса усиливается новейшими экономическими обстоятельствами (Агеев, Логинов 2014). Это, во-первых, происходящее устойчивое усиление политической самостоятельности развивающихся стран (в первую очередь — БРИКС и МИНТ) на основе роста их экономического потенциала. Во-вторых, накопление к настоящему времени в мировой экономике астрономической массы проблемных долгов. Это не только долги, обеспеченные имуществом заемщиков, — предприятий и физических лиц, но и более 600 трлн долл. производных финансовых инструментов. Эти долговые обязательства в условиях кризиса оказались ничем не

обеспечены, реальные товары и услуги под них даже и не предполагалось выпускать. Такие долги в явной или завуалированной форме занимают до трети балансов ведущих финансовых корпораций США и ЕС.

Значительное списание этих долгов нереально — «схлопывание» финансового пузыря обернется каскадным ростом банкротств финансовых компаний и банков (сначала американских, а затем европейских), а далее — и корпораций реального сектора со всем букетом социально-политических последствий.

Государственная помощь США американским и аффилированным с ними зарубежным банкам за годы кризиса, по разным оценкам, составила от 16 до 32 трлн долл., то есть не более 5% от общего объема деривативов.

В ходе множества глобальных и локальных экономических кризисов в течение XX в., за исключением Великой депрессии 1929–1933 гг., разница между объемами реального производства и объемами виртуальных невозвратных долгов не была столь катастрофична, как сейчас. Однако выход даже из тех кризисов происходил через войны, позволявшие списывать безнадежные задолженности.

Сегодня списать безнадежные долги можно, только «повесив» их на кого-то еще, путем именно военного принуждения под реальным или надуманным предлогом. Замещение невозвратных долгов реальными ресурсами частично произошло в ходе военных компаний и «арабских революций» после трагедии 9/11 (Ирак, Ливия, Сирия, Афганистан, Египет, Тунис и др.). Параллельно предпринимались попытки устройства большой межисламской войны (группа

арабских стран против Ирана) с втягиванием в нее Израиля и России. Большая война в Азии с участием Китая, Индии, Пакистана, Японии, Северной и Южной Кореи, Вьетнама, Таиланда и других стран с желательным втягиванием в нее России пока тоже не удалась.

Одним из методов балансировки реального и фиктивного секторов стало формирование ряда мегапроектов, создающих квазиреальные активы. Среди них — проекты климатического потепления, сланцевого газа и нефти, альтернативной энергетики, множество проектов в сфере ИТ. Однако проблему радикальной расчистки долгового навеса это не решило.

Ранее упомянутое выравнивание потенциалов Запада и развивающихся стран в терминах совокупного капитала выглядит следующим образом: совокупный капитал стран ЕС оценивается примерно в 635 трлн долл., США — 608 трлн долл., стран БРИКС — 1187 трлн долл. (*Медоуз и др. 2012*). Принудительное изъятие 20–40% от этой суммы у стран БРИКС в пользу США и ЕС может стать реальным способом погашения безвозвратных долгов, расчистки балансов и стимулирования реального экономического роста в западном блоке.

Конкретные источники балансирования невозвратных долговых обязательств просматриваются на опыте мировых и локальных войн XX в. Среди них — закупка на Западе вооружения, продовольствия, индустриального оборудования и бытовых товаров за счет перемещения на Запад золотого запаса конфликтующих стран, поставок на Запад энергетических и сырьевых ресурсов по вынужденно сниженным ценам, получение «связанных» кредитов; до-

пуск западных корпораций в стратегические сферы страны с вывозом прибыли за рубеж, отток на Запад в финансовой и товарной форме капиталов; арест депозитов и принудительное изъятие определенных активов; финансирование процесса и поставки оборудования и товаров в ходе послевоенного восстановления экономик стран — участниц мировых войн.

Даже сравнительно небольшой объем изъятых у Ливии средств, вложенных в акции европейских компаний и на банковских депозитах при М. Каддафи, во многом мотивировал разгром этой страны, не считая ресурсы нефти и пресной воды, а также ее коммуникационный статус.

Таким образом, как и в прошедшие два века, Россия, а вслед за нею и другие страны БРИКС и МИНТ, представляются некоторым актерам мировой экономики и политики жертвой для нового раунда экспроприации, как мишень для силовой экономической спецоперации в два этапа — «большой кризис» плюс «большая война». Однако сегодня сделать это можно лишь в ходе и в результате обширного военного конфликта с поэтапным втягиванием туда России и других стран.

Новый повод для такой войны после нескольких тестовых попыток (Чечня, Абхазия и Южная Осетия, Сирия) — военный конфликт с элементами геноцида русского населения на Украине.

Прогнозные сценарии

Военный конфликт — не единственный сценарий эволюции международных отношений и мировой экономики. Спектр

сценариев охватывает группировки вероятных процессов и событий в формате «жесткой глобализации», «умеренной глобализации», «регионализации» и «хаоса» (*Глобальный рейтинг 2008, 2010, 2012*). Мониторинг глобальной ситуации после 2003 г. показывает устойчивое смещение обстановки в пользу сценария умеренной глобализации, хотя реальное развитие событий содержит элементы всех четырех типовых сценариев. Но по базовым параметрам экономического и военно-политического влияния определяется доминирующий текущий сценарий и спектр вероятности ожидаемых сценариев на долгосрочную перспективу.

Результаты прогнозного моделирования геополитического и геоэкономического развития на период до 2030 г. свидетельствуют о следующих тенденциях.

Во-первых, наиболее вероятным сценарием является умеренная глобализация — рост полицентричности мирового порядка. Все следующие выводы приводятся именно по этому сценарию, хотя моделирование ведется по каждому варианту, в том числе и наименее вероятному на данный момент.

Во-вторых, США и ЕС на данный период сохраняют свое положение самых мощных мировых держав. По отдельным показателям мощи («население», «культура и религия») ЕС уже превосходит США. Для всех европейских стран вне пространства СНГ основной вектор развития связан с продолжающимся процессом построения новой европейской идентичности в рамках Европейского союза, который постепенно трансформируется из наднационального объединения в европейскую сверхдержаву

с ограничением суверенных прав входящих в него национальных государств. Но на статус сверхдержавы Европейский союз может выйти только при условии усиления уровня гармоничности внутренних межгосударственных отношений, прежде всего в триаде Германия — Франция — Великобритания, а также по линии интеграции (поглощения) восточноевропейских стран.

В-третьих, Китай, Россия и Индия добьются существенного приращения по интегральной мощи, сохранив нынешние позиции в мировом рейтинге: 3-ю, 4-ю и 5-ю соответственно. В первую десятку мировых держав войдет Бразилия, вытеснив с G10 Канаду. Все страны БРИКС в прогнозный период демонстрируют значительный рост абсолютных значений интегральной мощи. ЮАР в соответствии с прогнозными ожиданиями переместится с 30-й на 26-ю позицию.

В качестве безусловного лидера развития, одной из «сверхдержав» текущего столетия выделяется Китай. Хотя к 2030 г. он еще будет отставать от США и ЕС по интегральному значению ИПМ, но показывает в этом сценарии существенный экономический, технологический и социальный прогресс. Отставание Китая от США будет в первую очередь из-за превосходства последних по уровню развития вооруженных сил и геополитического положения.

Индия, второй по значимости гигант Азии, также демонстрирует существенный прогресс в прогнозный период.

В-четвертых, субъектность подавляющего большинства государств в современных международных отношениях, где растущую роль играют негосударственные образования, обеспечивается

только за счет принадлежности к крупным торговым мегаблокам, за исключением государств, уже имеющих сверхдержавный статус или приближающихся к нему (США, Китай). Однако даже для них критически важно выстраивание союзнических торгово-экономических блоков (ССТ/НАФТА для США, китаецентричной зоны свободной торговли в Восточной Азии для КНР, ЕАЭС для России, МЕРКОСУР для Бразилии и т.д.).

Стоит отметить, что для России эта тема остается одной из чрезвычайно болезненных. Проект стабилизации текущего статуса России без углубленной интеграции постсоветского пространства все еще имеет высокую привлекательность для части российской элиты. Россия, как и другие страны постсоветского ареала, до сих пор не определилась с вектором и моделью своей эволюции. Усилившиеся моменты нарочитой независимости, кое-где за пределами РФ трактуемой тенденциозно как империализм, отнюдь не сняли этого противоречия российской политики, которая фундаментально в установках современной элиты остается прозападной.

При некоторой привлекательности этого проекта, дающего возможность эгоистического поведения в отношениях с государствами постсоветского пространства и пространство для маневрирования между двумя-тремя центрами силы мирового уровня, такая постановка вопроса представляется стратегически ошибочной. 2014 г. отчасти ослабил такие стратегические иллюзии в России.

В-пятых, возвращение мировой экономики к структуре, которая существовала до середины XIX в., означает, что после короткого перерыва (продолжительностью почти в 200 лет) Китай

и Индия в XXI в. восстанавливают свое положение крупнейших мировых экономических держав. Если во второй половине XX в. мировое экономическое развитие в основном зависело от США, то в XXI в. оно будет преимущественно зависеть от тройки современных и перспективных лидеров: США, группы БРИКС и Европейского союза.

В-шестых, все сценарии глобального развития (*Глобальный рейтинг 2008, 2010, 2012*) обременены существенными стратегическими рисками. В частности, помимо катастрофических сценариев, возможны еще два субсценария развития событий.

А. Ослабление западных экономик с одновременным падением уровня мировой ликвидности на фоне кредитного дефицита может де-факто вывести Китай в положение глобального лидера при незрелости и хрупкости в целом его экспортно ориентированной экономики. Прецедент имел место между двумя мировыми войнами, когда вплоть до Бреттон-Вудского соглашения 1944 г., завершения Второй мировой войны, создания ядерного оружия и начала холодной войны США не были готовы к принятию на себя роли экономического, финансового и военного лидера атлантической системы.

Б. Более вероятный результат затяжной рецессии на Западе — усиление Китая и интеграция его в западную систему на более приемлемых для него условиях. Тогда можно ожидать поддержания западной валютной системы за счет вливаний китайских средств с учетом китайских интересов (продажа западных компаний, брендов, ноу-хау и т.п., а также компромисс по Тайваньскому и другим вопросам). Предположительно

этот сценарий может привести к образованию симбиозной системы мирового доминирования Запада и Китая. Аналогичный симбиоз, в частности, возникал в XV–XVI вв. между Ватиканом и всеми католическими монархами Испании.

Кроме того, одним из подсценариев «глобального хаоса» является каскад внутренних потрясений (революций) в набирающих силу центрах развития, включая Китай, Индию, Россию и Бразилию, повторяющий рисунок геополитики первой четверти XX в. В данный момент такой ход событий уже не кажется маловероятным. Однако в точках бифуркации возможные сценарии становятся крайне чувствительными к малейшим колебаниям параметров системы. Другими факторами, которые способны спровоцировать катастрофическое развитие событий, могут стать и природные аномалии (реализация худших сценариев «парникового эффекта», космическая катастрофа, серия крупных землетрясений, цунами, извержений вулканов и т.п.), и крупномасштабный военный конфликт.

В-седьмых, следует иметь в виду и возможность реализации сценария жесткой глобализации. Он предполагает, что основные центры силы евроатлантического сообщества (США и ЕС) будут выступать единой коалицией в процессе трансформации системы международных отношений и мировой экономической системы. Фактически этот сценарий означает успех стратегии однополярного миропорядка. Экономическим результатом внедрения этой модели может стать долгосрочная фиксация экономическими и внеэкономическими методами монополии Запада на развитие высокотехнологичных произ-

водств и извлечение соответствующих рентных доходов. Странам остального мира будут отведены вспомогательная роль и функции доноров, плательщиков различных видов рентных доходов, прежде называвшихся данью. В зависимости от специфики стран их функциями могут быть поставка сырья, трудовых ресурсов, размещение на своей территории вредных производств, организация природных заповедников с целью поддержания надлежащего мирового природного баланса и т.д.

В случае реализации сценария весьма вероятно, что западное сообщество будет проводить скоординированную политику против «китайского экономического чуда» и регламентировать конкуренцию с другими незападными экономическими центрами, пытаясь ограничить развитие национальных экономик стран, особенно в сфере высоких технологий и финансов. Данный сценарий предполагает, что в военной области отрыв США и стран Запада от всего остального мира в военно-технологическом плане резко возрастет. С большой вероятностью будут сняты пока еще остающиеся ограничения на использование военной силы для обеспечения интересов США и евроатлантического сообщества в целом.

Воплощение сценария жесткой глобализации предполагает практически с неизбежностью кризисный фон развития международной обстановки. Для сохранения своего лидерства Соединенные Штаты с высокой вероятностью должны провоцировать глобальную напряженность через политику «управляемых конфликтов», «сброса в хаос», «непредсказуемого реформатирования правил игры» и т.д.

Основным риском такого сценария является то, что недовольство элит традиционных и новых центров силы своим несuverенным статусом будет нарастать, приводя к открытым и завуалированным попыткам расшатать монополярный миропорядок. Яркими примерами в этом смысле являются Венесуэла, Куба, Никарагуа, Иран и Северная Корея. Их эпатаж в мировой политике вряд ли был бы возможен без поддержки более крупных мировых игроков, в том числе и действующих в составе доминирующей коалиции. Несомненным ограничителем полномасштабного развертывания данного сценария является и внутренняя оппозиция ему в самих США.

Что касается России, то в случае успеха сценария «жесткой глобализации» интегральный статус силы России уменьшится вдвое по сравнению с нынешним уровнем.

Характеризуя мировую ситуацию на конец 2014 г., нельзя не видеть интенсивной манифестации проявлений практически всех четырех типовых сценариев развития, хотя вариант «умеренная (мягкая) глобализация» пока преобладает. Таким соперничеством (битвой) сценариев отличаются именно «точки бифуркации». Для акторов глобальной политики такие интервалы ценны пробой сил, тестированием границ возможного и нежелательного. Современный мир представляет собой сложнейшую систему, отличающуюся от мира столетней давности в первую очередь колоссально выросшим значением технических инфраструктур и военной мощи. Сбой в их работе сам по себе способен нейтрализовать любые расчеты любых акторов на ожидаемые выгоды.

В складывающихся сегодня условиях развитие экономического и военно-технического сотрудничества стран в рамках БРИКС является альтернативой втягиванию их и всего мира в новую «большую войну».

Крымские события с последующими раундами санкций к России со стороны Запада продиктовали необходимость сформировать независимый контур международной финансовой архитектуры и системы взаимно координированных инфраструктурных проектов в рамках двух- и многосторонних отношений стран — участниц БРИКС.

Стратегическая группа российских госкорпораций и компаний с госучастием является мощным кластером в российской и мировой экономике, контролирующим существенные доли мирового рынка энергоресурсов, ряда металлов, атомной и космической промышленности, вооружений и военной техники, транспортных услуг и связи, космических запусков. Эти компании во многом определяют конкурентоспособность других отраслей России, объемы добавленной стоимости и прибыли, имущественные активы и финансовые потоки. В реальной действительности эта группа российских компаний способна не только сыграть решающую роль в намеченном научно-технологическом рывке России, но и повлиять на поведение мировых рынков. После 1991 г. стратегии этих корпораций сильно зависели от встроенности в чужие технологические цепочки.

У каждой из этих корпораций в последние годы сформировались мощные инфраструктурные проекты (по экспорту энергоносителей, сырья, строительству объектов, сетей коммуникаций,

поставкам ВВТ и т.п.) с Китаем, Индией, Бразилией и другими странами. Даже в нынешнем статусе эти проекты выступают как стабилизатор мировой экономики, альтернативный глобальному военному конфликту. По существу, Россия участвует в этих проектах, а также сохранением заниженного уровня монетизации своего ВВП (менее 50% в настоящее

время) и соответствующими котировками рубля вносит заметный вклад в уравновешивание накопленных мировых инфляционных финансовых массивов. Важную балансирующую роль играют подъем реального производства и сельского хозяйства в России, развитие инфраструктуры предотвращения и преодоления чрезвычайных ситуаций.